

СЕСТРА.

I.

День вѣнчанія. Деревья цвѣтуть. Какъ нѣжны волосы на ея лбу, какъ нѣжны и красноваты; лобъ бѣлъ, загадочна его прямизна. Дитя мое, сестра!

Я ждала ее у поворота липовой аллеи. Она шла съ нимъ подъ руку. Сколько сіяющихъ пятенъ проплыло по ея плечамъ, какою скорбью пылала моя душа!

Ея нога узка, бѣлый толстый шелкъ отливалъ на ея бокахъ при ходьбѣ, шаги ея крупны, какъ у мальчика, и руки тонки и костлявы. Мимо меня она пронесла свою душу, какъ причастную чашу подъ покровомъ парчи; она не видѣла меня, лицо ея улыбалось неувѣренно и шутливо, глаза косили.

Я подняла руки къ лицу и зарыдала, когда они прошли.

Кончился мой рай, мое дѣтство, изъ сердца вынута теплое солнце. Сестра, сестра!

Наши весны, когда мы въ первый разъ выбѣгали вмѣстѣ на первую траву въ холодный воздухъ! Земля ходила и чмокала у насъ подъ ногами, и мы смѣялись вмѣстѣ навстрѣчу сильному вѣтру, чувствовали одно и то же и вмѣстѣ пѣли похожими головами.

Всѣ наши гордости, всѣ наши радости, всѣ наши утѣшенія!

Она оторвалась такъ легко, тогда какъ казалась приросшей; въ ея душѣ не было корней. Отчего же во мнѣ рана, какая бываетъ въ землѣ, когда вырвано бурей огромное дерево, земля разорвана и растревожены всѣ ростки на большомъ пространствѣ кругомъ? Какое дѣтское сердце!

День вѣнчанія; березы въ золотѣ, въ рыхломъ роскошномъ цвѣтѣ, земля еще мягка, какъ неостывшій хлѣбъ, пахнетъ жизнью и смертью, виномъ и ладаномъ. Между осинъ низыхъ на синей

чернотѣ гнилой листвы—цвѣты, цвѣтеніе, плѣсень, острые ростки и что-то цвѣтущее сипее.

Свѣтъ красенъ сегодня вечеромъ, тѣни лиловы; весна такъ великолѣпна! Я вижу звѣзды среди вѣтвей, и горло мое сжато, жилы напряжены; восхищеніе удесятѣряетъ боль, потому что теперь я одна, теперь я должна молчать, тогда какъ крикъ и слезы, нища выхода, надрываютъ мнѣ сердце.

Что будетъ? Что будетъ?

Разъединились наши игры, наши вдохновенія, наши рѣчи, наши жизни, бывшія, какъ два потока въ одномъ руслѣ.

Она идетъ, уходитъ. Куда?

Одинъ разъ она мнѣ сказала: „я написала стихи“, и прочла:

„Что это! Неужели расцвѣли яблони?
Нѣтъ, это снѣгъ!“

Мы обѣ были восхищены и очень смѣялись и долго говорили глупости о короткихъ стихахъ. То же было, когда кто-нибудь изъ насъ бывалъ немножко влюбленъ: мы сочиняли другъ другу сказки и говорили смѣшныя забавныя вещи. Иногда она рассказывала мнѣ про меня. Она говорила, что я ледяная прозрачная гора, сверкающая и твердая, что нѣтъ въ мірѣ болѣе гордой чистоты, и всѣ люди передо мной пестрая и темная мелочь. У нея въ глазахъ были слезы, и мы смѣялись.

Какъ она спокойна теперь.

Весна, и я ухожу изъ дома; дороги сохнутъ и золотѣютъ, воздухъ мечется, теплый и острый.

— Ея мужъ!..

Въ день свадьбы утромъ онъ ждалъ меня въ проходной комнатѣ, которая внизу, возлѣ лѣстницы; тамъ глубокое окно, завѣшенное виноградными вѣтками; это пустая комната съ зеленой панелью и зеленымъ свѣтомъ. Онъ былъ въ черномъ и казался особенно большимъ въ маленькой полусвѣтлой комнатѣ, однообразный, милый человѣкъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, смущенно улыбаясь, и протянулъ руки.

— Я отнимаю ее у васъ,—сказалъ онъ,—вы не рады нашему браку!

— Не надо объ этомъ говорить,—сказала я съ трудомъ.

Онъ помолчалъ и отступилъ отъ меня, я пошла къ двери.

— Я хотѣлъ просить васъ...—сказалъ онъ быстро и покраснѣлъ.

— О чемъ?

— Она оказалась очень ревнива,—сказалъ онъ, довѣрчиво и нѣжно улыбаясь; это дѣлало его бритое лицо мальчишескимъ и забавнымъ, что-то братское стало между нами въ это мгновеніе; я засмѣялась и провела концами пальцевъ вдоль мокрыхъ рѣсницъ, мнѣ стало легко.

— Неужели!

Онъ восторженно разсмѣялся, влажно блестя глазами, и сказалъ:

— Представьте!—И потомъ уже развязно и шутливо досказалъ свою просьбу и предостереженіе.

— Хорошо!—Я вышла, смѣясь: она ревнива!

До начала лѣта они проживуть съ нами. Глядя на нихъ, мать улыбается съ такимъ хитрымъ торжествомъ! Я изнываю, грудь моя стѣснена, и дыханіе причиняетъ боль. Я уйду далеко и, только лежа на землѣ и глядя па дрожаніе тумана, примираюсь на немногія минуты.

Иногда я думаю о немъ: милый, простой, незанимательный человѣкъ; думаю о влюбленности, очаровательномъ и жалкомъ состояніи. Моя собака, веселый черный песъ, хрипя, катается въ горячей хвоѣ, ложится, тяжело и радостно дышитъ, тряся боками и синеватымъ мокрымъ языкомъ. Я зову ее тоскливо, и она, оборотясь, хлопаетъ хвостомъ по землѣ и жалобно движетъ бровями. И я опять думаю: что такое ихъ бѣдная любовь, несложная, какъ пѣсенка кукушки, передъ заревами старыхъ сказокъ, таинственныхъ думъ начала жизни, огнями дѣтскаго алтаря!

Я хлопаю собаку по худому теплому боку. Что-то въ ней напоминаетъ мнѣ Николая: чистосердечіе, послушное довѣріе къ жизни, какъ къ кому-то старшему, важному и хорошему?

Онъ долго любилъ меня раньше Вѣры, мы были дружны. Какъ странно: я потеряла его, не замѣтивъ, не оглянувшись ни разу.

Если бы она умерла, я страдала бы меньше. Она стала бы ангеломъ, котораго неотступное присутствіе окрылило бы неземными мечтаніями мою душу, и рыданія мои были бы сладки; душа ея стала бы навѣки и нераздѣльно моею. Изъ иной жизни въ мою открылась бы дверь и осіяла всѣ намѣренія, поступки и вещи жизни моей отраженіями міра иного; вмѣстѣ съ ними пришелъ бы холодъ забвенія плоти, медленнаго отрѣшенія отъ жизни,—пусть было бы такъ, ибо въ этомъ преодолѣніи и близости вышнему.

Теперь же я мучусь и унижаюсь въ непониманіи. Мой ангель отвернулся отъ меня, и меня истязаетъ мысль: жива ли еще въ немъ безсмертная душа его?

Мое прекрасное легкомысліе погибло,—какой это былъ нѣжный одуванчикъ! Большой зеленый матерчатый диванъ, протертый еще нашими дѣтскими ногами, кажется теперь такимъ тяжелымъ, грустнымъ и старымъ; это былъ нашъ зеленый рай, на которомъ мы танцовали и прыгали въ дѣтствѣ, блаженно закидывая голы. Потомъ мы собирали цвѣты на коврѣ: большія бархатныя красныя и розовыя розы съ темной листвою. Позднѣе мы столько смѣялись и пѣли вмѣстѣ, и мысли наши были мечтательны и лучезарны; мы говорили о приходахъ весны, о лѣтнихъ прогулкахъ, о новыхъ мѣстахъ, гдѣ будемъ жить, о тысячѣ великолѣпныхъ вещей, знакомыхъ намъ только по имени и такъ еще далекихъ, которыя, казалось, приближались къ намъ чудеснымъ образомъ, подобныя звѣздамъ; мы ждали всего на свѣтѣ, ничего не знали о возможномъ, и это наполняло наши дни постояннымъ предчувствіемъ радостей. Наши обѣлыя печи были такъ теплы, въ нашихъ маленькихъ окнахъ весной было видно такое большое небо, и столько быстрыхъ птичьихъ тѣней отражали желтыя солнечныя стѣны низкой комнаты съ лирами и голубями на голубыхъ креслахъ.

Теперь она ушла—съ первымъ, кто ее позвалъ.

Если бы я захотѣла, было бы иначе.

Когда онъ еще любилъ и искалъ меня, я сказала однажды, какъ бы про себя и прижавъ къ груди руки: „Что я передъ ней, если бы вы знали!“ А онъ отвѣтилъ: „Отчего вы такъ ее превозносите? Вы мучитесь за нее, когда думаете, что она почему-либо страдаетъ, и страданія ея кажутся вамъ необыкновенными, но увѣряю васъ, что она вовсе даже не страдаетъ, отчего ей страдать?—Въ ней совсѣмъ нѣтъ этого!“

Тогда я сочла это лишь недобрыми словами, такъ какъ онъ сильно ревновалъ меня къ ней; теперь я думаю объ этомъ, иначе думаю,—какъ все стало иначе!

Я шла по изогнутому переулку вдоль бѣлой садовой стѣны; вѣтви деревьевъ и ихъ тѣни шевелились надо мной; былъ теплый вечеръ, и я—одна. Такъ было тихо кругомъ и пустынно, что я остановилась; тѣснило грудь, и жизнь казалась опустошенной.

— Боль моя велика, и терпѣніе не знаетъ своей цѣли,—ска-

зала я громко и услышала свой голосъ, нерѣшительный, мальчишескій альтъ; тѣнь моя качнулась на стѣнѣ, высокое перо дрогнуло на шляпѣ, и, когда я пошла, я увидѣла на тѣни свою походку, прямую и дерзкую, и удивилась себѣ, и моя одежда показалась мнѣ смѣшной и странной въ простотѣ и грусти моихъ мыслей. Какъ мы чужды самимъ себѣ, какъ ненужны, какъ мало любимъ себя, какъ малаго отъ себя ждемъ и желаемъ! Мнѣ хотѣлось говорить, молиться, спрашивать о смыслѣ и справедливости, и я снова произнесла нѣсколько словъ, грустныхъ и вопросительныхъ, и снова нерѣшительный и высокій ихъ звукъ поразилъ меня. „Ненастоящая душа“,—подумала я,—„не дано настоящей“,—и пошла дальше, гдѣ меньше было фонарей и распростиранлись темные сады и надъ садами—звѣзды. Бѣлая собака сидѣла у тяжелыхъ полуоткрытыхъ воротъ, въ отверстіе которыхъ было видно небо и звѣзды, и казалось, что тамъ не было уже ничего другого, и я шла дальше въ тупости отчаянія и одиночества, подобныхъ смерти. Въ полѣ я остановилась, подняла руки и призвала ангеловъ.

Звѣзды разсыпались надо мной и торжественно трепетали, вознесенныя грозно, въ темнотѣ неба; кто-то великій пронесилъ межъ ними сліянія, и за темнымъ и мягкимъ краемъ земли свѣтили бѣлые костры; у края дороги стояли черныя ели и шевелились, и вдоль опущенныхъ широкихъ ихъ лапъ, межъ крестами ихъ узкихъ вершинъ струились и скользили бѣлыя звѣзды.

Когда я возвращалась домой, у деревяннаго крыльца трактира съ синей вывѣской и цвѣтущими березами стоялъ пьяный и просилъ у молчаливаго извозчика огня; голосъ пьянаго звучалъ, какъ у засыпающаго ребенка, который избалованно и умиротворенно о чемъ-то проситъ любящаго и нѣжнаго къ нему старшаго; извозчикъ засунулъ руку за спичками, зажегъ желтый огонекъ и, качнувшись съ козелъ, подалъ пьяному.

Я прошла домой черезъ садъ; въ темнотѣ акаціевой аллеи кто-то внезапно и близко всталъ мнѣ навстрѣчу; я взметнулась въ испугъ и схватила его за руку; это былъ Николай, мужъ Вѣры.

— А гдѣ Вѣра?—спросила я.

— Они всѣ въ гостяхъ, а у меня голова болѣла,—сказалъ онъ и сейчасъ же сталъ мнѣ говорить о томъ, какъ мучить его моя тоска и какъ онъ хотѣлъ бы помочь и утѣшить меня.

— Кто вы такой, чтобы меня утѣшать?—сказала я.

Горечь моихъ словъ взволновала его.

— Вы не должны меня ненавидѣть, я самъ не очень счастливъ,—сказалъ онъ быстро.

Мы замолчали.

— Что это значить?—спросила я, наконецъ, гнѣвно.

Онъ молчалъ; мы долго молчали. Акаціи протягивали надъ нами свои прямые тонкіе стволы и вѣтки, похожія на расплетенные вѣйки,—въ весеннія мягкія ихъ перья было густо вкраплено медовое золото цвѣта. Ночь проходила.

Когда она поетъ, она не знаетъ, какъ сложить ротъ, и поэтому всегда немножко виновато и неудобно улыбается, раскрывая его; глаза ея при этомъ нерѣшительны, смущены, и отъ этого смущенія что-то злое въ нихъ проступаетъ. Она очень застѣнчива; иногда въ обществѣ вдругъ скажетъ что-нибудь смѣшное и сейчасъ же закроетъ ротъ рукой, давится смѣхомъ и исподлобья коситъ глазами; смѣется до плача и долго послѣ сморкается и дрожитъ, улыбаясь. Ходитъ она, какъ бы ощупывая предметы вокругъ, недовѣрчиво, какъ слѣпая. Спитъ ли въ ней душа? Жива ли она въ ней? Отчего я уже не могу больше ея дозваться?

Онѣ сидѣли одна противъ другой; Вѣра вышивала, мать раскладывала карты; карты равномерно щелкали и ровно ложились на зеленомъ столѣ полукругомъ; по Вѣриной рукѣ съ иглой соскальзывала и поднималась тѣнь разрѣзанаго листа, волосы сіяли, крѣпкая худая шея была наклонена и казалась такой юношеской и дѣвичьей. Круглая, какъ куполь, бесѣдка такъ была полна пестротой синяго свѣта и зеленыхъ остроконечныхъ тѣней, что мать и сестра прикрыты были ими, точно сверкающимъ и нѣжнымъ туманомъ, и въ лѣтнемъ спокойномъ и пахучемъ теплѣ казались дремотными призраками полудня. Мать, важная, шелковистая, сѣдая, увѣренная,—крѣпкое золотистое лицо, свѣтлые глаза, и Вѣра—худая, сильная, какъ мальчикъ, съ своей нѣжной, лукавой и тревожной мордочкой.

Я стала такой лѣнивой и нерѣшительной, я долго не входила въ бесѣдку и глядѣла на нихъ какъ бы издали, какъ бы недоумѣвая,—онѣ молчали, дышали ровно, иногда произносили вполголоса нѣсколько словъ, улыбались своимъ мыслямъ, были покойны.

— И что это Анна бѣсится—не понимаю,—сказала мать.

— Просто ей скучно.

— Ты думаешь?

— По-моему, да. Просто на нее мало обращаютъ вниманія.

— Ты думаешь?

— Охъ! Она этого совершенно не выносить.

Мать задумчиво улыбается.

— За нею всегда такъ ухаживали, а ты первая вышла замужъ,—можетъ быть, ей это непріятно,—говорить она потише, интимно улыбаясь.

— Ну, нѣтъ, почему!

Вѣра краснѣетъ, сдерживая счастливую улыбку, лицо ея становится дѣтскимъ и праздничнымъ. Я отхожу.

„Вѣра, Вѣра! пишу тебѣ и не знаю, кому пишу, кто ты! Ты, чья жизнь отъ колыбели слилась съ моей, ты, чье лицо мнѣ памятиѣй, дороже и ближе всѣхъ, всѣхъ человѣческихъ лицъ. Но что такое близость? Двадцать лѣтъ, живя рядомъ, я не знала тебя и любила, и вотъ впервые—поражена своимъ незнаніемъ и не понимаю своей любви. Кто ты, Вѣра?! Моя любовь къ тебѣ мучительна; ты была необходима для меня, какъ весна, какъ земля, какъ свѣтъ, и я не знала этого, пока мы не разстались. Ты же ушла такими легкими, такими неслышными шагами и улыбалась такъ весело и такъ равнодушно. Кто ты, Вѣра? Помнишь, мы плакали вмѣстѣ, читая печальныя книги, плакали, когда красота поражала насъ чрезмѣрно, и смѣялись столькому и такъ чудесно смѣялись, о столькомъ говорили съ такой тишиною душъ, съ такою ясностью глазъ, что какъ бы изъ глубины въ глубину глядѣлись другъ въ друга. Что это было? А помнишь, какъ во дни неудачъ и оскорбленій мы вдвоемъ садились въ наше большое старое кожаное кресло, прижимались плечами и говорили одновременно взволнованными, угрожающими голосами и, поднимая руки, предвѣщали наше торжество. Весь воздухъ нашей комнаты былъ пропитанъ особымъ и чудеснымъ, а все, что входило въ нашу бѣлую дверь, принимало трепетный ореолъ необычнаго.

Что это было, что это было?...

Нѣтъ, я не спрашиваю больше тебя, я посылаю тебѣ свою душу, открытую и дрожащую отъ боли, взгляни на нее: узнаешь ли ты ее? Не отвѣчай мнѣ, если не захочешь, это не нужно; ты сейчасъ же почувствуешь неловкость, недомоганіе, недовольство на меня изъ-за чрезмѣрной моей экспансивности и поймешь, что отвѣчать не слѣдуетъ, какъ не слѣдовало мнѣ писать всего этого“.

Она пишетъ мнѣ: „Я плакала надъ твоимъ письмомъ ужасно, мнѣ жаль тебя, и ты меня мучишь. На вопросъ твой отвѣчаю: я—никто! Чистое зеркало. Если хочешь, я буду писать тебѣ о

своей жизни, но все это будутъ лишь отраженія чужого. А ты мнѣ никогда не пиши такихъ писемъ и не разстраивай меня, я нездорова. Живу хорошо, Николай кланяется тебѣ и мамѣ“.

„Вѣра, представь себѣ, вчера Жюль сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Одно то, какъ сильно я этому удивилась, показываетъ мое безразличіе къ нему. Мы все устроены такъ, что считаемъ легко возможнымъ все, чего намъ хочется, даже самое невѣроятное,— правда, это по-женски? Когда онъ уходилъ, я смотрѣла на него изъ окна и думала: Боже! этотъ человѣкъ въ пальто и коричневой шляпѣ хочетъ стать мнѣ близкимъ! Но онъ мнѣ такъ же не нуженъ и непонятенъ, какъ эти тупые булыжники на мостовой. Вдоль нашего тротуара стоятъ и цвѣтутъ липы, и воздухъ изъ-подъ ихъ вѣтвей, нагрѣтый и напитанный медовымъ духомъ, при медленномъ вѣтрѣ течетъ ко мнѣ въ окно, шевелитъ кисейную оборку, ласкаетъ волоски кожи, и я вся наполняюсь лѣтнимъ тепломъ, праздностью и равнодушіемъ. Мать вышпиваетъ мнѣ сорочки бѣлой гладью по цвѣтнымъ батистамъ, иногда я ей помогаю, и это тоже, и сорочки, и нашъ палисадникъ съ шиповникомъ, крапивою и жасминомъ, такое все лѣтнее, провинціальное, милое. Все книги я отослала въ городъ, ни о чемъ не думаю. Въ жизни остановка. Это до осени.“

Когда пріѣзжаютъ гости, мы съ мамой устраиваемъ нарядный чай на террасѣ, мы съ мамой друзья, намъ хорошо. Потомъ шахматы, лодки, бѣгаемъ къ сосѣдямъ на теннисъ, вечеромъ petits jeux, костры, проводы. Новое платье мое обворожительное, нѣжное, свѣжее и, главное, сливается со мной безъ остатка, и я становлюсь въ немъ вдвое лучше; загорѣла очень, это къ лицу, кокетничаю съ братьями Дени,—съ однимъ на проникновенности, съ другимъ на хулиганствѣ, хохочу съ полнымъ физическимъ удовольствіемъ, а душа во мнѣ старая, тихая, недовѣрчивая“.

„Вѣра, на-дняхъ старшій Дени привезъ мнѣ картинокъ. Теперь я знаю, что я съ собой сдѣлаю: осенью поѣду путешествовать. Мама такъ смѣется, какъ будто увѣрена, что это путешествіе будетъ свадебнымъ. Нѣтъ, нѣтъ. И Жюль, и братья мнѣ далеки: все честные, все умные, милые и скучные. Это типичная порода мужчинъ благополучныхъ и ограниченныхъ. Авантюристы, безумцы и завоеватели восхищаютъ меня теперь еще болѣе, чѣмъ это было въ дѣтствѣ. Помнишь Паганеля, Капна, Наполеона! Впрочемъ, къ завоеваніямъ я равнодушна; ахъ, для себя я хотѣла бы завоевать только одинъ міръ, одну душу“.

„Ты чувствуешь мою улыбку въ эту минуту? Это счастливая мысль, надежда, хитрая маленькая выдумка. Мы поѣдемъ съ тобой путешествовать, знаешь, Вѣра? Богъ знаетъ куда мы уѣдемъ съ тобой! И пусть не будемъ знать, чья земля, какъ называется, а, какъ въ старыхъ нашихъ книжкахъ, пойдѣмъ впередъ, держась за руки. Вѣтеръ будетъ проноситься изъ страны въ страну, и мы прослѣдимъ его путь; увидимъ новыя деревья, берега огромныхъ водъ, освѣщенные солнцемъ неизмѣримыя пространства. Будь ты нетерпѣлива, гнѣвна, непостоянна въ своихъ желаніяхъ, ты знаешь, я перенесу все, я радуюсь всему, вѣдь это ты будешь со мной!

Помнишь въ сказкѣ: они подошли; кустъ расцвѣлъ тысячею розъ и былъ чудо какъ хорошъ; тогда они взялись за руки и запѣли. И нарисованы два маленькнхъ человѣчка.

Вѣра, я только женщина съ умомъ, обуреваемымъ видѣніями. Почему ты боишься меня? Какъ могу я быть тебѣ чуждой? Почему ты разлюбила меня? Неужели ближе тебѣ тотъ, кто близокъ тебѣ только тѣлесно, чей духъ слѣпъ передъ твоей душой и, ища ея, смотритъ въ сторону?

Почему ты отталкиваешь меня?“

Она пишетъ: „Зачѣмъ ты напускаешь на себя все это? Я тебѣ прямо говорю, что мнѣ это неинтересно, и мнѣ кажется, что ты нарочно себя возбуждаешь, чтобы любоваться на себя, и, мало того, хочешь, чтобы и другіе любовались и непремѣнно и я тоже. Это только твое самолюбіе. На что я тебѣ нужна? Есть изъ-за чего стараться! Николай, конечно, мнѣ ближе, а съ тобой ужасное напряженіе. Онъ простой, спокойный, чистый человѣкъ. Пиши, пожалуйста, какъ писала раньше, про себя и про маму, а то у меня всякій разъ раздраженіе и страхъ, когда получаю твои письма. Ты знаешь, что я всегда была деликатна, но ты меня терзаешь“.

Хорошо. Писать ей не буду больше; довольно съ меня всего этого. „Мама, передай имъ отъ меня поклонъ, я напишу позже“. Какъ можно позже.

II.

Прошелъ годъ, у нихъ родилась дѣвочка. Николай пріѣхалъ въ наше новое имѣнье, когда цвѣла сирень. Вѣра оставалась дома съ ребенкомъ.

Глядя на его предприимчивое подвижное лицо, я нашла въ его серьезности лишь маленькій оттѣнокъ новаго; при этомъ я услышала въ себѣ тревогу, съ какой искала и боялась этого новаго. Онъ постарѣлъ, не теряя молодости, движенія его стали чрезвычайно рѣшительными и точными, слегка отяжелѣлъ взглядъ, лицо похудѣло, и ротъ сталъ тверже и замкнутѣе, чѣмъ когда-либо. Развязность исчезла, часто овладѣвали имъ сосредоточенность и молчаніе.

— Васъ надо развлечь!—сказала я,— вы стали ужасно дѣловымъ и желтымъ.

Онъ улыбнулся.

— По крайней мѣрѣ, у васъ попрежнему прекрасные большіе зубы,—сказала я.

Онъ остался на недѣлю.

— Знаете, чему я рада? Ваше лицо не стало комнатнымъ, и въ складкахъ платья сохранилась независимость.

Онъ отвернулся, улыбаясь. Я дразнила его, мнѣ было весело; мы ѣхали верхомъ по славному полю мимо порубокъ, богатыхъ цвѣтами, ягодами, бабочками и змѣями; отъ темныхъ кучъ хвороста шель осенній запахъ, и отъ этого раннее лѣто казалось еще моложе.

Я говорила съ нимъ, часто повторяя: „мы съ вами“, разъ спросила: „что жена?“, и въ другой разъ, смѣясь: „а что жена скажетъ?“, или: „мнѣ отъ нея не достанется?“ Онъ вопросительно и неувѣренно взглядывалъ на меня. „Хорошій, невинный чело-вѣкъ“, думалось мнѣ.

— Вы отвыкли отъ нея скорѣе, чѣмъ думали,—сказалъ онъ.

А я посмотрѣла во всѣ глаза на его худое довѣрчивое лицо. Онъ ошибался и дѣлалъ это со спокойнымъ достоинствомъ истиннаго чело-вѣка.

— Я повѣрила тому, что вы говорили о ней раньше,—сказала я, скрывая волненіе, внезапно охваченная упрямымъ и острымъ желаніемъ дразнить.—Вы лучше ея въ тысячу разъ!—сказала я съ наслажденіемъ и мстительнымъ озорнымъ восторгомъ.

Съ этой минуты лицо этого чело-вѣка стало для меня упонительнымъ зрѣлищемъ: всѣ его лолыныя чувства растерянно въ немъ изобразились; отъ прикосновенія недолжнаго оно одеревянѣло на мгновеніе, затѣмъ онъ безпомощно на меня взглянулъ. Я заговорила объ иныхъ вещахъ, и онъ передохнулъ и улыбнулся.

Когда мы возвращались, черная пашня посинѣла, и отъ низкаго солнца разбитые комья ея пестрѣли рыжими и красными отсвѣтами. Въ небѣ была тишина и радость, и въ первый разъ

послѣ долгаго времени я подняла голову и съ нѣжнымъ желаніемъ вдохнула въ себя теплую сырость, полную запаховъ травъ, придорожныхъ ветлѣ, сладкаго огуречника и богатой корнями земли.

Когда онъ собрался ѣхать и былъ уже одѣтъ, я взяла его за локти и сказала:

— Оставайтесь еще ненадолго, мнѣ хорошо съ вами.

— Къ сожалѣнію, невозможно, — сказалъ онъ, улыбаясь нѣсколько испуганно.

— Ненадолго, — сказала я умоляюще и чувствуя, какъ сіяютъ мои глаза.

Онъ помолчалъ и растерянно посмотрѣлъ на меня.

— Да, да, — сказала я, кивая головой, — денька на два, немножко.

Въ эту минуту какое-то страстное, жестокое и глубоко щемящее чувство меня охватило и выразилось во всемъ моемъ существѣ, глаза мои наполнились слезами, я положила руки ему на плечи; онъ снялъ ихъ и, пройдя въ уголъ за палкой и шляпой, повторялъ встревоженно и глухо:

— Къ сожалѣнію, нельзя.

И тотчасъ же я поняла, что онъ останется: дикое вдохновеніе озарило меня; но я опустила глаза, отвернулась и, не прощаясь, пошла къ лѣстницѣ.

— Вотъ что, — сказалъ онъ быстро, — пожалуй, завтра я могу.

— Да? — сказала я, не обернувшись и задыхаясь, — это хорошо, — и пошла наверхъ.

У окна я остановилась; внизу цвѣли кусты, рыхлыя грозди раскинулись, какъ въ безпамятствѣ, цвѣты всѣ распустились до послѣдняго, пахло непонятнымъ запахомъ сиреней, листвы, сырости, птицы кричали страстно и увѣренно. Сердце мое отяжелѣло, какъ отъ вина, мнѣ хотѣлось бурно смѣяться, а горло сжималось для крика, не знаю какого.

— Очень хорошо! — сказала я себѣ, — великолѣпно, чудесно!

Потомъ вышла къ нему; онъ сидѣлъ въ креслѣ въ темнотѣ, еще свѣтъ и блескъ зари шель отъ оконъ.

— Ну такъ какъ же? — сказалъ онъ съ неловкостью и нарочной фамиллярностью и всталъ съ кресла, руки въ карманахъ, и тотчасъ же ихъ вынулъ, не зная, какъ себя держать.

Я молчала, чтобы измучить его неловкостью, чтобы онъ не выдержалъ.

— Будемъ ужинать?—спросилъ онъ, нарочно потягиваясь, чего никогда не дѣлалъ, и подошелъ ближе, чтобы заставить меня говорить и успокоиться самому.

Отъ моего ужаснаго молчанія онъ сталъ дрожать и потирать руки. Внизу во дворѣ желѣзными голосами кричали гуси, звѣзды проступали въ небѣ; было тихо въ комнатѣ, сильно темнѣло.

— Какой вечеръ!—сказала я тихонько.

— Да, превосходный, дѣйствительно, вечеръ, — отвѣтилъ онъ очень громко, и я разсмѣялась.—Вы смѣтаете, Аня?—спросилъ онъ изумленно, но стараясь шутить; я продолжала тихо хохотать и бросилась въ кресло; онъ повторилъ свой вопросъ, еще насильственно смѣясь, и очень испугался, когда я жалобно заплакала; онъ всталъ на колѣни у кресла, въ ужасѣ меня уговаривалъ, и обнялъ меня.

Позвали ужинать.

Мы поужинали, и я, выйдя изъ-за стола и оставивъ Николая съ компаньонкой, одна пошла въ аллею; вскорѣ онъ догналъ меня и тихо звалъ, не видя въ темнотѣ; я же стояла совсѣмъ близко и смотрѣла на него; темныя вѣтви липъ шевелились высоко надъ нами и заслоняли звѣзды; по клумбамъ бѣлыхъ цвѣтовъ, неясно рѣявшихъ надъ темнотой травы, я узнала, гдѣ стоитъ плетеная скамья, и тихонько пошла къ ней,—онъ услышалъ шорохъ песка и, протянувъ руку, дотронулся до меня; я стала рядомъ съ нимъ и, обхвативъ его руками, прижалась къ нему; восторгъ и жестокая увѣренность охватывали меня; онъ говорилъ взволнованнымъ жалобнымъ голосомъ, стараясь меня отстранить и вмѣсто этого лаская меня. Голосъ его приближался къ плачу.

— У васъ дурныя фантазіи, Аня, оставьте, не надо такъ дѣлать,—говорилъ онъ,—не надо такъ.

Я прижималась къ нему ближе.

— Вы знаете, что я васъ любилъ,—сказалъ онъ, задыхаясь и отклоняясь отъ моихъ поцѣлуевъ; это жестоко!—не дѣлайте меня еще больше несчастливымъ, несчастливымъ,—и онъ, заикаясь, повторилъ это слово.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—сказала я и засмѣялась у самаго его лица.

— Вы будете надо мной смѣяться!—простоналъ онъ, обнимая меня и охваченный дрожью.

— Нѣтъ!—сказала я съ дикой суровостью.

— Вы проклянете меня.

— Нѣтъ!!—отвѣчала я.

Вѣра, это слѣлала ты. Видить Богъ, я ничего не хотѣла отнять у тебя,—не изъ-за тебя ли я стала другой? Не была ли я осторожна и терпѣлива, когда я берегла свою душу и любила ее. Для тебя! Потому, что прежде всего любила тебя. Не я ли была твоей сіяющей алмазной горой, огражденной тысячью броней и грозъ?—Я несла передъ собой цвѣтное нѣжное пламя юности моей, заслоняя его пальцами и зорко оглядываясь. Это было любимое тобой и потому драгоценное.—Что теперь?—Только ужасная боль пробуждаетъ меня къ жизни, которую изъ гордости я еще защищаю. Спроси меня: хочу ли я малѣйшаго въ жизни? Или величайшаго?—Ничего, ничего.

Но теперь я ушла отъ тебя, теперь освобождена.

Твой холодъ и отчужденіе теперь оправданы. Теперь ты такъ далека, что я уже не различаю тебя вдали,—и мнѣ такъ легко, какъ будто тебя совсѣмъ нѣтъ; это оттого, что въ себѣ я убила тебя.

Я написала ему: „Не возвращайтесь ко мнѣ никогда и, если хотите, чтобы я жила, сохраните тайну“...—и раннимъ утромъ, собравшись, велѣла запрячь гнѣдую лошадь, уложила маленькую корзину и притворно хихикала за чаемъ съ компаньонкой, оглядываясь и прикладывая палецъ къ губамъ.

Я выѣхала одна на большую дорогу, покрытую мягкой, еще сырою пылью и по бокамъ заросшую лебедой, мятой и пестрыми юньскими цвѣтами. Лошадь бѣжала легко, увѣренно пощелкивая копытами, остро синевато поблескивали подковы, ритмично подворачиваясь назадъ; гладкая шея подъ гривой скоро вспотѣла и стала темно-синей; въ накатанной твердой колеѣ блестяла легкая отраженная голубизна; а вблизи рожь была яркая, косматая, всѣ усаые крючки врозь.

Я ѣхала къ людямъ, которыхъ обрадую, какъ лѣтній праздникъ, и одному изъ нихъ мой приѣздъ принесетъ волнующія надежды, которыя не оправдаются. Вокругъ меня были любимыя поля, пахучіе травяные просторы, которые моя душа любила наполнять одною собой. Мнѣ было удобно, все было обдуманно, и я чувствовала себя почти спокойной, свободной и вооруженной. Я ѣхала быстро и не смотрѣла назадъ; у меня было чувство, что въ удаляющемся родномъ домѣ покинуть мною мой собственный тихій и жалкій трупъ, оставленный гдѣ-то въ комнатахъ; и въ послѣдующія ночи во снѣ я ходила по этимъ комнатамъ, зная, что онъ гдѣ-то тутъ близко, искала, почти видѣла его и не могла найти.

Надо же было когда-нибудь вернуться. Мать приѣзжала изъ города, я получила письма, въ которыхъ не было ничего необычнаго. Но надо же было вернуться.—Милая пожилая французженка въ корсетѣ и въ полосатомъ платьѣ обнимала меня, ласкала мнѣ щеки и говорила: „Дѣточка, ну останьтесь до іюля“; и въ ея коричневыхъ съ янтарнымъ бѣлкомъ глазахъ было материнское недовольство и нѣжность; я оставалась. Женственный Жюль съ выпуклыми нервными глазами,—капризный и деликатный одновременно, болѣзненный и умный, любившій меня давно,—подолгу ходилъ со мной ежедневно по сырому еловому парку,—сестры его играли со мной въ крокетъ и каждое утро въ батистовыхъ распашонкахъ съ ножницами выходили въ цвѣтникъ и срѣзали цвѣты для стола, для тапан и въ мою комнату. Наконецъ я возвратилась.

Начались дожди, мать задержалась въ городѣ: дороги стали оранжевыми отъ растекшейся глины. Я хожу одна по дому и не могу читать, застывшія руки кажутся мертвыми и ничего не держать.

Не вѣрю. Ничего не было,—говорю я себѣ и тотчасъ слышу въ себѣ другое, страшное: что я съ собой сдѣлала?—И мнѣ представляется смятенное несчастное лицо Николая.

Ничего, все пройдетъ и не узнается,—говорю себѣ опять и, не въ силахъ притронуться къ чему-либо, хожу въ пустомъ домѣ, гдѣ во всѣхъ окнахъ видно неравномѣрно темное небо и движеніе тучъ, и мысль моя, не покидая ни на мгновеніе, какъ надъ смертью любимаго, сторожитъ все у того же безумнаго часа.

Терраса пуста, занавѣски намокли, въ зеленыхъ ящикахъ разбиты рыжія настурціи; дождь прилетаетъ отъ ступеней террасы до двери; я одна.

Въ маленькой комнатѣ сверху сидитъ компаньонка и читаетъ книгу. Я иду къ ней говорить о замужествѣ, о платьяхъ и тысячу разъ о прекрасномъ будущемъ. Она смотритъ на меня своими скромными вѣжливыми глазами и съ удовольствіемъ говоритъ пріятное. Я ей нравлюсь, она доброжелательна. Все благополучно; скоро приѣдетъ мама.—Mlle,—говорю я вдругъ въ ужасномъ отчаяніи,—можно съ ума сойти отъ всѣхъ этихъ мыслей, неправда ли?—Mais non!—говоритъ она, лукаво улыбаясь, потому что думаетъ, что меня затрудняетъ выборъ мужа. Я подхожу къ окну. Тучи страшны позади желтыхъ вершинъ аллей, спереди брызжетъ сіяніе; что за событія происходятъ въ небѣ! Темнѣетъ, брызги дождя ложатся на стекло подобно тучѣ иголь, которыя

мгновенно превращаются въ капли, внезапно окно свѣтлѣетъ и сияетъ брызгами, но новые слои облаковъ уже плывутъ изъ-за стѣны липъ и снова приносятъ тьму.

Мнѣ показалось сегодня въ саду, что Вѣра прошла, вдали медленно пересѣкая дорогу. Ужасный испугъ остановилъ мое сердце. Это была не она. Замеревъ, я стояла у дерева, схватившись за мокрую кору. Это не она. Я заплакала и стала на колѣни въ сырости, на землѣ. Не въ сплахъ произнести что-либо, но изнемогая въ рыданіяхъ, я наклонялась у дерева лицомъ до земли. На темени моемъ лежала тяжесть, пригибавшая меня, и если бы я могла о чемъ-либо молить, то это было бы лишь объ уничтоженіи моемъ.

Помнишь весны, дѣтскія весны, великій постъ? Мы выходили вечеромъ на улицу, двѣ одинаковыхъ дѣвочки рядомъ, уши не завязаны и слышать по-новому новый вѣтеръ, летящій съ темной площади по улицѣ навстрѣчу; керосиновыя лампы въ красныхъ старинныхъ фонаряхъ горятъ неравнобѣрными желтыми пятнами вдоль улицы, и мы идемъ рядомъ, стараясь перешагнуть одновременно камень или лужу.—Няня, какая лужа!—говоримъ добрыми голосами, исполненныя пріятной покорности, потому что постъ. Вынимаемъ теплыя руки изъ варежекъ и машемъ ими въ сыромъ, мягкомъ, подвижномъ воздухѣ вечера. „Няня, я не простужусь, можно снять варежку?“—Боже, какъ мы хороши сегодня! Важные медленные голоса колоколовъ повелительно разносятся надъ нами, и мы стихаемъ; два мягкихъ дѣтскихъ сердца становятся задумчивы. Вечеръ, синій темный свѣтъ вечера; черныя большія деревья отлетаютъ вѣтвями къ пустырю, мокрымъ деревомъ пахнутъ въ темнотѣ. Сердца наши счастливы и святы, мы стоимъ рядомъ, двѣ дѣвочки въ одинаковыхъ маленькихъ шапкахъ.—Прости мнѣ память мою, любовь мою, свѣтлый врагъ мой сестра!—Недостойна нашего прошлаго, недостойна памяти своей,—ни тебя, ни дѣтства не имѣла, нищая, осмѣлюсь ли еще любить тебя?

„Она ревнивая,—сказалъ онъ вначалѣ,—поберегите ее“.—Забудь меня, уничтожь меня въ душѣ своей, ревнивая, слабенькая моя!

Каждую ночь во снѣ жду тебя, и ты не приходишь; въ каждой двери я готова тебя встрѣтить и увидѣть тебя изъ каждаго окна; иногда мнѣ кажется, что ты уже пріѣхала, что ты здѣсь,

тогда я вскрикиваю, зову тебя во снѣ. Какая ты? Гдѣ?—Такая прямая и не хочешь на меня взглянуть?—Родная, говорю я: что же я тебѣ скажу!—Но тебя нѣтъ; и не выхожу изъ комнатъ, боясь тебя потерять. „Успокойся,—говорю я,—ты меня никогда не увидишь, я не отягощу тебя ненавистью.—Скажи одно: причинила ли я тебѣ боль?“ Да, ужасную.

И вотъ я вижу тебя, наконецъ: ты сѣдая, разметаны волосы, и взглядъ блуждаетъ, злоба и безразличіе отчаявшейся души на сѣромъ лицѣ твоемъ; на булыжной мостовой стоишь, рубаха бѣла и разорвана,—сонъ ужасный!—Вѣра,—кричу я у ногъ твоихъ,—вѣдь это ты, дѣвочка, юная моя!

И вижу опять: ты сидишь на постели, — стало шаткимъ маленькое твое угловатое тѣло, лобъ твой повязанъ бѣлымъ, ротъ посинѣлъ и запекся; ты уже едва можешь произносить слова, и глаза застланы желтизной, но ты отворачиваешься, когда я наклоняюсь къ тебѣ, и прижимаешься къ подушкамъ, лишь бы не слышать меня.

Вѣра, но вѣдь это я любила тебя, выше Бога и ангеловъ. Да. Но что я, что я передъ тобой!

— Что это, неужели зацвѣли яблони?

— Нѣтъ, это снѣгъ.

Н. Бромлей.